

Алексей Гараджа

Тройной «Ион»: о последних изданиях диалога

ALEXEI GARADJA

TRIPLE *ION*: ON RECENT EDITIONS OF THE DIALOGUE

ABSTRACT. In the *Corpus Platonicum*, the dialogue *Ion* stands out both for its subject (what is the origin of the work of art, mastership and rational ability, or rather *mania*, divine inspiration?) and the mode of its presentation, which is unusually succinct and straightforward. The latter may be perceived as an extremely sophisticated irony — that is how, as a practical joke, as ‘a sheer *persiflage*’, the text had been interpreted by Goethe. His contemporaries Ast and Bekker, the early editors of the Platonic corpus, preferred to exclude the dialogue from the list of the authentic works of Plato. Doubts about the authorship of the *Ion* are being expressed till nowadays. Holger Thesleff fails to find evidence of the dialogue’s unauthenticity, but still counts it among the *dubia*. In recent years, no less than three critical editions of the *Ion* have been published, each of them remarkable in its own way. Carlotta Capuccino made a good start (2005), Albert Rijksbaron carried on robustly (2007); finally, Lorenzo Ferroni and Arnaud Macé offered their own spic-and-span edition (2018). The article surveys each of these three editions and raises a question about the interpretation of literary works along the lines sketched in the *Ion*. What is preferable today: a rational and thorough examination and restoration of a text, or more or less inventive intuitions that would ignore the ‘body’ of the text, the history of its emergence and tradition, and play with a set of constructs picked in an ideal image of the text.

KEYWORDS: Plato, the *Ion*, interpretation.

За последние пятнадцать лет вышло сразу три издания необычайно немногословного — всего двенадцать с небольшим Стефановых страниц — платоновского диалога «Ион», который даже не всеми исследователями признается подлинным. Краткость самого произведения означает, что большую часть в этих изданиях занимают комментарии и другие сопроводительные материалы.

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 11.2 (2019)

DOI: 10.25985/Pl.10.2.03

Книга Карлотты Капуччино, озаглавленная «Философы и рапсоды» (Saruccino 2005), не является в полном смысле изданием «Иона» — приводимый здесь греческий текст, по которому выполнен параллельный перевод, восходит к критическому изданию Дж. Бернета (Burnet 1903): никаких отклонений, хотя их возможность и оговорена, мной не обнаружено. Главные достоинства книги — детальный построчный комментарий (языковой и толковый) и подробная рубрицированная библиография, начинающая от изданий и переводов и заканчивая исследованиями, посвященными частным проблемам диалога. Сама исследовательница главным своим мотивом обозначает неудовлетворенность не столько анализом деталей текста у своих предшественников, как неприступной неопределенностью его «*сœur cachée*»¹ — скрытой сердцевины, понимаемой как авторский замысел.

Любая попытка прояснить эту тайну неизбежно сталкивается с двумя ключевыми и взаимосвязанными вопросами: об авторстве диалога и о том, насколько серьезно предполагаемый автор трактует свою тему — исток и природу художественного творения². Ранние издатели платоновского корпуса Аст и Беккер (а также, в конечном счете, и Шлейермахер) не считали диалог подлинным; Герман и Штальбаум признавали авторство Платона, однако оценивали его как слабое произведение. Эти оценки шли вразрез с высказанным ранее мнением Гете, назвавшем диалог «откровенной насмешкой (*persiflage*)», острой, в аристофановском стиле шуткой-издевкой Платона-писателя³.

Камнем преткновения для скептиков стали пассажи о божественном вдохновении поэта (ср. θεῖα μοῖρα καὶ κατοκωχῆ, 536c2), независимом от *технэ* и *нуса*, и, как следствие, противоречивое — или невнятно сформулированное — отношение автора к искусству. Подытоживая господствующие интерпретации этой «скры-

¹ Saruccino 2005: 15; отсылка к Verdenius 1943: 239.

² У Стефана (Анри Этьена) диалог представлен с подзаголовком Περὶ ποιητικῆς καὶ ῥαπσοδικῆς ἐπιφανείας, а по-латыни его *scopus* обозначен как *De origine poetices et illius natura*. У Фичино подзаголовок «Иона» — *De furore poetico*.

³ См. Гараджа 2016 (перевод гетевской заметки с моим введением).

той сердцевины» диалога, Капуччино вспоминает, во-первых, афинеевскую оценку «Иона» — Платон здесь «плохо говорит обо всех поэтах (κακολογεῖ πάντας τοὺς ποιητάς)» (504a)⁴. Отсюда кто-то (вслед за Фичино) выводит, что целью автора было не поношение поэзии, при всех ее эпистемических изъянах, а напротив — похвала, с указанием на ее божественное происхождение; другие же отмечают колебание между критикой и восхвалением поэзии, объясняя его внутренней борьбой Платона-мыслителя и Платона-художника. Во-вторых, Капуччино указывает на трактовку Иона как маски, скрывающей под собой софиста (возможно даже, какого-то конкретного) либо софистику вообще — привычные мишени платоновской критики. И только один исследователь — голландский филолог-классик В.Я. Вердениус — «признает в Эфесском рапсode достойного собеседника Сократа, выбранного Платоном за роль, которую он исполняет, а не за то, что что-то под собой скрывает»⁵. Именно рапсода как такового Капуччино ставит в центр своей собственной интерпретации «Иона».

Реализуется ее подход при помощи лексикографического анализа трех ключевых блоков («ядер») текста: терминологии, выражающей этическое суждение (ἀγαθός, εὖ, καλός); терминов знания-умения, от утверждения рапсодического τέχνη в зачине диалога, до его отрицания в эпилоге; наконец, лексики, имеющей отношение к сфере божественного и иррационального. На пересечении этих трех блоков и прорисовывается истинная фигура рапсода, и именно она призвана прояснить смысл, который Платон хотел вложить в свой диалог. Подытоживая свой метод, итальянская исследовательница говорит, что ищет решение «среди складок (tra le pieghe) языка, на поверхности, а не в глубине»⁶.

К языковым данным при решении вопроса об авторстве и датировке «Иона» апеллировал и такой авторитет, как Хольгер Теслефф. Не находя никаких явных признаков неподлинности

⁴ В русском переводе Н.Т. Голинкевича это важное «всех» пропало.

⁵ Saruccino 2005: 18; 263–272 (подробно о смысле и функциях ῥαψωδός).

⁶ Saruccino 2005: 19.

диалога, он всё же отнес его к категории *dubia* — к этому его склонили «некоторые признаки стилистической близости с *Гиппием меньшим* и разные языковые странности (*oddities*)»⁷. Очевидно, что для предметного разговора о языковых особенностях «Иона» давно назрела необходимость в новом критическом издании диалога. Это запрос реализует Альберт Рейксбарон (Rijksbaron 2007).

Полный текст платоновского «Иона» дошел до нас в четырех первичных рукописях: T = Venetus Marcianus App. Class. IV, 1 (ок. 950 г.); W = Vindobonensis Suppl. Gr. 7 (кон. 11 в.); F = Vindobonensis Suppl. Gr. 39 (кон. 13 в.); S = Marcianus Gr. 189 (нач. 13 в.). В *stemma codicum* их распределяют по двум расходящимся веткам: T W vs. F S. Рукопись из собраний Плифона и Виссариона, традиционно обозначаемая сиглой S, стоит особняком, отличаясь в том числе и отсутствием апографов (против не менее восемнадцати, восходящих к T). Ее связь с F вплоть до наших дней оставалась предметом дискуссий среди издателей. Рейксбарон, изучив текст «Иона» по S *in situ*, однозначно признает эту рукопись первичной⁸. Как следствие, его издание существенно отличается от «классического» для нас (благодаря TLG) текста Бернета, который практически не использовал S и чей аппарат в целом не всегда надежен (во всяком случае, применительно к «Иону»).

Особое значение в связи с темой диалога («Илиада») приобретает вопрос о передаче гомеровских цитат, текст которых расходитя с гомеровскими рукописями — всеми или большинством. Понятно, что издатель Платона должен в этих случаях предпочитать платоновский текст — но этот текст сам же он и выстраивает на основании снесенных рукописей и своих недоказуемых, основанных лишь на интуиции и вкусе, решений по ряду ключевых вопросов: как именно цитировал Платон — по памяти либо по записанному тексту? насколько искажен текст первичных рукописей в сравнении с оригиналом? Неожиданное преимущество

⁷ Thesleff 1982: 222 (со ссылками).

⁸ См. Rijksbaron 2007: 29–32, особенно наглядное сопоставление сходящихся (р. 31) и расходящихся (р. 32) чтений F и S в сравнении с традицией T W.

перед более ранними рукописями получают при решении этой сложнейшей издательской задачи более поздние. Именно на F и особенно S ориентируется здесь Рейксбарон. Дело в том, что более ранние T и W отмечены пережитками унциальной традиции, предвзяввшей «великую византийскую транслитерацию 9–10 веков»⁹, когда при переписывании древних текстов начали строго помечать акценты (пропускаясь в уставной записи).

Показательный пример — 538d1. Отталкиваясь от неакцентированного уставного VYCCON , переписчики как гомеровского текста, так и «Иона» по версии S (но не F, как полагал Бернет!) выдали верное чтение $\beta\upsilon\sigma\sigma\acute{o}\nu$ ‘глубина’, тогда как в T и F имеем $\beta\upsilon\sigma\sigma\acute{o}\nu$, аккузатив от бессмысленного по контексту $\beta\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omicron\varsigma$ ‘виссон’¹⁰. Пример того, как гомеровский $\lambda\alpha\rho\acute{\alpha}\delta\omicron\varsigma$ расходится со всеми первичными рукописями «Иона», — 538c2–3, где при цитировании *Il.* 11.639–640 заключительная часть второй строки заменяется в платоновском тексте словами, почерпнутыми чуть выше в тексте «Илиады» (11.630)¹¹.

Здесь важно пояснить, что именно понимает Рейксбарон под «платоновским текстом». «Установление текста», по его словам, не равнозначно установлению текста, написанного Платоном. Такая задача не только практически недостижима, но и сомнительна с методологической точки зрения, поскольку предполагает наличие единственного и окончательного текста, написанного либо продиктованного Платоном в определенный момент времени. В действительности же интересующий нас текст длительное время пребывает в подвешенном, более или менее переменчи-

⁹ Rijksbaron 2007: 44. Под «транслитерацией» здесь подразумевается $\mu\epsilon\tau\alpha\chi\alpha\rho\alpha\kappa\tau\eta\rho\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ — предпринятый в Византии массовый перевод древних рукописей из унциальной записи в минускульную. Ср. прим. 13.

¹⁰ В W здесь читается $\lambda\upsilon\theta\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$ ‘основания, низы’ — несомненно, глосса, случайно перенесенная в основной текст. См. Rijksbaron 2007: 44–45.

¹¹ Ср. $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}$ $\delta\grave{\epsilon}$ $\kappa\rho\acute{o}\mu\upsilon\omicron\nu$ $\lambda\omicron\tau\acute{\omega}$ $\acute{\omicron}\psi\omega\nu$ ($\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}$ S : $\lambda\alpha\rho\acute{\alpha}$ T W F) ‘лук на закуску к питью предложила’ (пер. Я.М. Боровского) против $\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}$ δ' $\acute{\alpha}\lambda\phi\iota\tau\alpha$ $\lambda\epsilon\upsilon\kappa\acute{\alpha}$ $\lambda\acute{\alpha}\lambda\upsilon\tau\epsilon$ ‘присыпала белой мукою’ (пер. Н.И. Гнедича). Заметим, что в примечаниях к переводу «Иона» Я.М. Боровского «подменное» полустишие ошибочно приурочивается к *Il.* 11.635 (Боровский 1990: 773) или 11.629 (Боровский 1924: 96).

вом состоянии за счет вмешательств со стороны самого Платона, его учеников и слушателей, позднейших читателей, переписчиков и исследователей, а какую-либо его фиксацию можно с таким же успехом отнести на счет издателей, как и автора¹².

Помимо акцентов и придыханий, византийский *μεταχαρακτήρισμός* 9–10 веков принес и другое важное новшество: разделение слов в рукописях и развитую пунктуацию¹³, отражавшие переход от восприятия текста на слух к чтению глазами, «про себя». Эти вещи важны при записи диалогов, особенно со многими участниками. Современные издатели (и даже некоторые поздние рукописи) помечают реплики именами собеседников — у древних *scriptio continua* разбивалась знаками *παράγραφος* и *δίκωλον*.

Но как адекватно перевести знаки препинания внутри реплик? Конечно, не всегда это настолько же важно, как в пословичном «казнить нельзя помиловать». Как правило, при передаче пунктуации издатели Платона просто дублировали Стефаново издание (1578)¹⁴. Рейксбарон эту традицию ставит под вопрос. В качестве показательного примера он подробно разбирает функцию ΠΙΔΕ в исходном «платоновском тексте» — сплошном и без знаков препинания — и то, как *τί δέ* оформляется в позднейших рукописях и изданиях — с вопросительным знаком либо без. В об-

¹² См. Rijksbaron 2007: 26–27.

¹³ О серьезности реформы свидетельствует один из ее зачинателей Феодор Студит (759–826), говоря о монастырском «каллиграфе» следующее: «Если он нехорошо хранит тетрадь или кладет книгу, с которой списывает, не накрывает вовремя ту и другую, не следит за строками (*ἀντίστιχα*), ударениями и знаками препинания — на раскаянье тридцать и сто [поклонов]» (*Роеп.* 1.54). Стимулом к реформе мог послужить спрос на внятные и разборчивые греческие рукописи со стороны арабских переводчиков. См. Rijksbaron 2007: 68–69, п. 150.

¹⁴ Помимо разбивки платоновского корпуса на тома, страницы и разделы, Анри Этьен предложил в своем издании и новую пунктуацию, однако без учета отраженных в рукописях византийских традиций с их теоретическими обоснованиями. Интересно, что Серранов параллельный латинский перевод не следует этим новшествам; как известно, Жан де Сер был на штыках с Этьеном во время работы над изданием и даже называл того *infaustus ille cacographus* — «двойником несчастным». Из позднейших издателей лишь Беккер и Бернет порой отклоняются от Стефановой пунктуации. См. Rijksbaron 2007: 254–255, *cum notis*.

щем случае эта лексическая единица распознавалась как маркер смены темы беседы (topic shift) в диалоговом контексте, а дальше могли быть варианты, учет которых важен не только для издания текста, но и для его перевода¹⁵.

Параллельный перевод присутствует в издании «Иона», подготовленном Лоренцо Феррони и Арно Масе (Ferroni, Macé 2018). В этом тандеме за перевод отвечал Масе, за издание текста — Феррони. Феррони работал над снесением рукописей еще с начала века, пересекался с Рейксбароном в Венской и Венецианской библиотеках и даже помог тому исправить ряд ошибок при установлении текста¹⁶. Казалось бы, что еще можно добавить к столь тщательному и основательному изданию, как Рейксбароново? Оказывается, можно. Собственно, сами авторы уже представили в прошлом номере «Платоновских исследований» свое превосходное издание и избранную ими стратегию двоякой «контекстуализации» — текстологической и культурологической¹⁷.

Во-первых, здесь необыкновенно полно представлены материалы, на которых выстраивается текст, начиная от апографов, в том числе редких, и заканчивая цитатами и чтениями у древних (Прокл, Стобей) и новых авторов, а также у ранних переводчиков на латынь — Фичино и Липпи¹⁸. «Таким образом, читатель обеспечен, как мы надеемся, всеми необходимыми данными для проверки наших издательских решений; но мы также сочли уместным полностью обосновать большинство из них (а именно, наиболее значимые) в отдельном разделе нашего Комментария»¹⁹.

Во-вторых, авторы (тут уже прежде всего Масе) детально рассматривают культурные контексты диалога. Например, пытаются выяснить, почему именно рапсод выведен собеседником Сократа и чем, собственно, он занимался. Его профессиональную

¹⁵ См. Rijksbaron 2007: 247–257, особенно 255–257.

¹⁶ См. Rijksbaron 2007: xi. К сожалению, до сих пор нет доступа к электронным версиям основных рукописей «Иона» из Вены и Венеции.

¹⁷ См. Ferroni, Macé 2019.

¹⁸ Лоренцо Липпи де Колле ди Валь д'Эльса (ок. 1442–1485).

¹⁹ Ferroni, Macé 2019: 23.

деятельность передает в «Ионе» глагол ἐπαινέω (как и производное ἐπαινέτης) с обычным значением ‘восхвалять’; но можно выявить и два других технических значения применительно к рапсоду: ‘зачитывать’ и ‘цитировать’. Так кто же он — вдохновенный поэт-исполнитель или дотошный ученый толкователь? Или то и другое / ни то, ни другое, как Протей (541e7) — или как сама форма платоновского диалога, позволяющая исследовать различные практики с точки зрения их притязаний на знание, но не принимать ни одну из них окончательно как свою собственную?²⁰

Что же удивительного в такой «контекстуализации»? Разве не естественно для исследователя установить текст памятника на возможно более полном материале, а затем прочесть его «изнутри» — с учетом именно его, памятника, культурного, исторического и интеллектуального контекстов?²¹ Видимо, не для всякого. В качестве контраста укажу на стратегию «карнавализации», избранную переводчиком в недавнем издании платоновского «Пира» и наоборот вырывающую памятник из его контекстов²².

Очевидно, что при всех несомненных достоинствах старого перевода «Иона», выполненного замечательным ученым, переводчиком и поэтом Яковом Марковичем Боровским (1896–1994), новые издания и трактовки диалога, о которых рассказано выше, заставляют задуматься о новом русском переводе.

²⁰ Ср. Ferroni, Mascé 2018: 123–125; 2019: 33. Капуччино также обращает внимание на использование в диалоге ἐπαινέω (536d6, 541e2) и особенно ἐπαινέτης: последнее — вообще «ключевое слово», замыкающее собой весь текст (542b4), а ранее — важное сократовское толкование «магнетической цепочки» (536d3) (см. Саруссипо 2005: 88). Тем не менее, и Капуччино, и Масе предпочитают консервативный перевод (*elogiare, elogiare; réciter, récitateur*). — Отмечу здесь еще одну опечатку в примечаниях к русскому переводу «Иона» (о родине магнита): «мидийский (город Гераклея)» вместо «лидийский» (Боровский 1990: 772).

²¹ В последнем случае особенно важно проявлять такт, поскольку выяснение места «Иона» внутри платоновского корпуса слишком легко может привести к недооценке диалога (например, при сопоставлении с «Государством»).

²² См. Марков 2019 (греческий текст здесь приводится, но его происхождение покрыто тайной). Ср. рецензию на это издание: Гараджа, Протопопова 2019.

Литература

- Боровский, Я.М., пер. (1924), *Платон. Ион*. Перевод, введение и примечания, in *Полное собрание творений Платона в 15 томах*. Под ред. С.А. Жебелева и Э.Л. Радлова, Т. 9, 73–96. Ленинград: Academia.
- Боровский, Я.М., пер. (1990), *Платон. Ион*. Пер. под ред. С.Я. Шейнман-Топштейн, введение А.Ф. Лосева, прим. А.А. Тахо-Годи, in *Платон. Собрание сочинений в четырех томах*. Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и А.А. Тахо-Годи, Т. 1, 372–385, 768–773. М.: «Мысль».
- Гараджа, А.В., пер. (2016), “Иоганн Вольфганг Гёте. Платон как товарищ христианскому откровению (перевод и введение)”, *Платоновские исследования* 4.1: 216–223.
- Гараджа, А.В.; Протопопова, И.А. (2019), “«Что-то смешное на нас напало»: О новом переводе платоновского «Пира», *Философия. Журнал Высшей школы экономики* 3.1: 265–285.
- Марков, А.В., пер. (2019), *Платон. Пир*. М.: РИПОЛ классик; Панглосс.
- Burnet, J. (1903), *Platonis Opera*. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Ioannes Burnet. T. 3. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano.
- Caruccino, Carlotta, ed. (2005), *Filosofi e Rapsodi. Testo, traduzione e commento dello Ione platonico*. Bologna: CLUEB.
- Ferroni, L.; Macé, A., eds. (2018), *Platon. Ion. Esquisse sur la tradition textuelle du dialogue*. Texte critique et notes textuelles par Lorenzo Ferroni ; introduction, traduction et commentaire par Arnaud Macé. Paris: Les Belles Lettres. (Collection «Commentario».)
- Ferroni, L.; Macé, A., (2019), “New Strategies for Reading Plato’s *Ion*”, *Platonic Investigations* 10.1: 21–34.
- Garadja, A., tr. (2016), “Johann Wolfgang von Goethe. Plato as Party to a Christian Revelation”, *Platonic Investigations* 4.1: 216–223. (in Russian.)
- Garadja, A.; Protopopova, I. (2019), “‘Something Funny Has Overtaken Us’: A New Translation of Plato’s *Symposium*”, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics* 3.1: 265–285. (in Russian.)
- Méridier, L., ed. (1931), *Platon. Œuvres complètes*. Tome 5.1: *Ion – Ménexène – Euthydème*. Texte établi et traduit par Louis Méridier. Paris: Les Belles Lettres. (Collection Budé.)
- Rijksbaron, Albert, ed. (2007), *Plato. Ion. Or: On the Iliad*. Edited with Introduction and Commentary. Leiden; Boston: Brill.
- Thesleff, Holger (1982), *Studies in Platonic Chronology*. Helsinki/Helsingfors: Societas Scientiarum Fennica, 1982.
- Verdenius, W.J. (1943), “L’«Ion» de Platon”, *Mnemosyne* 11: 233–262.